

★ БЛУЖДАЕМ СРЕДИ ★ ЗВЕЗД ★

18+

Мария Альварес
Блуждаем среди звезд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Альварес М.

Блуждаем среди звезд / М. Альварес — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Что связывает семнадцатилетнего бродягу, не помнящего свое имя и прошлое, призрачную девочку Паулину, маленькую Полину, сироту Лилию и Тимофея, покончившего с собой?.. Эта история началась с чуда, порожденного отчаянной детской верой и преданной любовью, а продолжилась полным приключений путешествием в легендарную Золотую долину. Опасный путь, который пройдут Тим и Паулина, даст неожиданные ответы на все вопросы и завершится новым чудом, однако на этот раз его цена окажется слишком велика...

Содержание

История одной улыбки	6
Земля неизвестного	8
Чуждый мир	12
Блуждаю среди звезд	16
Как холодно...	18
Встреча на опушке леса	19
Волчья душа	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Блуждаем среди звезд

Мария Альварес

*Посвящается всем тем,
кто сделал мой путь таким,
какой он есть.
Я всегда буду благодарна вам за это.*

Иллюстратор Елизавета Сашенкова
Корректор Мария Устюжанина
Дизайнер обложки Анастасия Волконская
Иллюстрация на обложке Диана Сергеева

© Мария Альварес, 2019
© Елизавета Сашенкова, иллюстрации, 2019
© Анастасия Волконская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5717-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одной улыбки

Тихая при полнолунии ночь. Перекинув через одно плечо свой изношенный рюкзак, устало шагаю по сырому асфальту. Одна за другой проезжают машины, проваливаясь в луже. Я бы их предупредил, но, к сожалению, занят. «Чем?» – спросите вы. Отвечу честно: не знаю... Я просто парень, что шагает в направлении, и даже ему самому. Как часто говорят, все дороги ведут домой. Мой же путь менее оптимистичен и ведет лишь в сть.

Обшарив дно кармана, набираю все остатки мелочи. Грязными ладонями пересчитываю монеты, чем-то отличающиеся от остальных, неосознанно вспоминая историю каждой. На соседней улице я краем глаза видел довольно аппетитную вывеску над круглосуточным ларьком. Она освещала мрачные улицы района теплым светом. Так и там бы жить согласился. Уж больно манит запах нежной выпечки да тепло от печки.

Как вы уже поняли, дома у меня нет... Денег тоже... С каких-то пор я бродяга, что ищет припешище не только физически, но и духовно.

Ветер сменил направление, подул прямо с севера. Свежие листья отдавали ароматным запахом, почему-то напоминавшим мятный. Северный ветер, самый противный из всех, дул прямо в шею, подгоняя и без того застывшую кровь.

Булочная подождет. Зайду во дворы, там ветра меньше. Справа от меня возвышаются девятиэтажки, что заслоняют злостный ветер. Я прохожу мимо них и иду к «китайке».

На балконах сушится море дешевой одежды и прочих тряпок. Штукатурка опадает, словно листья поздней осенью, и прямиком в некогда закрытую зону. Красные предупреждающие ленты давно содраны детскими ручонками. А где-то в углу еще заметны следы крови. Жизнь здесь не из лучших. Однако эти люди имеют крышу от дождя да стены, спасающие от ветра. Как-никак, лучше моей бескрайней улицы.

– Бабушка, почему огоньки не появляются в небе? – услышал я голос с единственного закрытого балкона.

– Ничего страшного, я уверена, скоро они будут, – успокаивала старушка чуть ли не рыдающего ребенка.

– Но мой день рождения почти прошел, а фейерверка так и не было, – печалилась маленькая девочка. – Ты говорила, что он будет. В дни рождения всегда появляются огоньки. Я хочу увидеть их.

– Но... а как же вчерашние? Ты же их видела?

– Это были не мои. Огни не на мой день рождения. Я так всегда хотела увидеть свои. Что засияют для меня.

– Не плачь. Иди съешь тортик. Я обещаю: они еще будут.

Девочка в коротеньком платье ушла с балкона. Вместо нее встала рядом с бабушкой женщина моложе, возможно, мать.

– Зачем ты бросаешься обещаниями? Свадьбы сегодня ни у кого не намечается. Никакого фейерверка не будет. А денег на свой собственный у нас нет. Я на торт-то неделю копила.

– Но ты видела ее глаза? Ей так хочется верить в чудо.

– И как ты затем объяснишь, что чуда не произошло?

Бабушка не ответила, лишь промолчала и тихо наблюдала за звездами.

И тут мое сердце забилося. Ноги сами повели в иную сторону. Я мчался быстрее ветра. На бегу схватил всю мелочь и купил в закрывающемся магазине самую дешевую торпеду. Поставил ее в месте запуска, напротив балкона. Из правого кармана выхватил одну за другой пару спичек, бесполезно пытаюсь зажечь. Наконец, удалось!

Словно неизведанное космическое тело, моя ракета летела ввысь, оставляя след из желтого огня.

– Мама, бабушка! Смотрите! Мой огонек уже летит! – радовалась выбежавшая на балкон девочка.

Я наблюдал за происходящим снизу, за поваленным деревом, где в темноте ночной меня никто не видел.

И тут произошло непредвиденное. Огонек погас, забрав все надежды. Больше звука летящей ракеты я не слышал. Ох уж эти подпольные подделки!

Но через мгновение небо озаряется розовым переливающимся в лиловые оттенки светом. Чудо произошло... Иногда его нужно лишь сымитировать, чтобы согреть теплом детскую душу.

– Почему он один и прямо перед нами? – удивилась мать.

– Кто бы ни был этот добрый человек, душа его согрета, – сказала бабушка.

Она права. И пусть я остался голодный. Я еще долгое время буду видеть улыбку этой девочки.

Земля неизвестного

30 апреля драконьего года

Наши бескрайние пшеничные поля заливаются солнцем. Когда я хочу побыть одна, то прихожу именно сюда. Золотистые зерна падают прямо на лицо, пока ты читаешь любимую на этой неделе книгу. В нашем мире нет небесных сооружений и светящихся приборов, о которых так фантастично рассказывают прадеды. Лишь маленькие деревушки по всем уголкам света да автобусы, что работают на аккумуляторах. Посреди полей сотни ветродуев, мельниц, что снабжают достаточным количеством энергии, окружают село, образуя высокие стены, защищающие нас от собственных страхов. Я не жалуясь, в деревне очень даже уютно. Весь мой досуг уходит на прогулки по принадлежащим нам земляничным лугам, маленькому лесу или моим любимым полям. А еще я просто обожаю читать фантастическую и познавательную литературу. Хоть какое-то расширение внутреннего мира и мечтательное времяпрепровождение. Чтение – довольно редкое в наши дни умение. Меня никто не учил: у нас никто не умеет. Я любопытная по жизни – забралась у тети Тамары на чердак. Каких там только не было неизвестных мне вещей. Однако приглянулась мне тетрадка с твердой обложкой. Впоследствии я узнала, что это называется книгой, а на обложке, научившись, прочитала: «Азбука». Ее я храню до сих пор как самое заветное сокровище, храню в дупле старого дерева в нашем Дремучем лесу. Думаю, еще долгое время никто туда не заглянет. Пока...

А тем временем я обшарила все шкафы и чердаки в каждом заброшенном домике деревни в поисках интересных мне книг. Они переселенцам все равно уже не нужны. Так мы называем тех, кто осмелился перейти границу и отправиться далеко-далеко в иные земли или просто исчез...

Иногда я тихо сидела у ручья, читая прозу и мельком поглядывая на высокие горы, что были за запретной для меня чертой. И часто казалось, что оттуда зовет чей-то голос. Я не шла на него, ведь четко знала бабушкин наказ: «Ни на шаг к границе!». И все: никаких причин, объяснений, лишь это. Но она же знает, что я любопытна и сама неизвестность манит меня в эту опасную среду. В книгах многое пишут о красоте внешнего мира и даже придумывают новые. Иногда трудно их различить.

Что-то я задумалась. Солнце садится – пора пить мятно-лимонный чай да укладываться спать. Завтра Первое мая – День благодарности земле. Скорее всего, будем снова помогать людям в селе, как в прошлом году.

Я кинула последний взгляд на удаляющиеся золотистые поля, переливающиеся от легкого ветра, и горы, растущие на глазах.

Ночь с 30 апреля на 1 мая драконьего года

Ночь. Глубокая ночь, наполненная светом ярких звезд. После чаепития я без напоминаний поднялась наверх на свою хлопковую койку. Справа от меня – сооруженная мной полка под собранные книги. А под подушкой заветный фонарик, заряжающийся солнечным светом на бревенчатой, покрытой сеном крыше. Я кладу его туда днем, а вечером забираю, чтобы читать, пока бабушка заканчивает свои дела на первом этаже.

Сегодняшняя ночь была особенно бессонной. Бабушка так и не возвращалась. Страшные тени гуляли по потолку, вызывая в мыслях образы самых жутких страхов, что внушали нам с детства. Нередко мне снилось, как я перехожу границу и тут же встречаю жуткого монстра, поглощающего все вокруг, да его черного укротителя в виде темной фигуры с сияющими красными глазами.

Я мигом откидываю мысли и продолжаю чтение. Сегодня на очереди книга о вымирании древних цивилизаций. Остановилась на интересной главе о египетских пирамидах и мумиях, скрытых в них.

За окном мне послышался шорох листвы, а за ним легкое дуновение ветра от чьего-то движения. Через мгновение сильный поток ветра ворвался в помещение, распахнув окно на защелке. Я подбежала к нему, растрясая дощатый пол. Среди зарослей черники пробираюсь к лесу подозрительная фигура в брезентовом плаще. Я быстро схватила созданную мной накидку и спустилась к тому месту по трубе. К этому времени фигуры там уже не было. Я оглянулась назад: свет на первом этаже еще горел. Назад возвращаться не хочется – иду вперед через заросли. Я обнаружила протоптанную тропинку и стала перешагивать один за другим кусты крапивы.

Лес резко обрывался обвалом, что скрывал за собой восточную границу. Слева виднелись мои любимые горы. Я собралась сворачивать назад, как вдруг заметила, что загадочная фигура карабкается вверх по ту сторону. Ветер сдувает с нее капюшон, и я узнаю свою бабушку. Довольно опасная прогулка для ее возраста. Кроме того, она сама нарушает данный мне запрет. Хотя честно, я просто ищу причины наконец перейти границу. Была не была...

Раннее утро 1 мая драконьего года

Небо светлеет. Скоро рассвет. Спуск был довольно скользким: вся земля покрыта глиной. Подъем же был резким, так что пришлось медленно карабкаться, цепляясь за каждый сухой камень. Бабушка давно ушла вперед, не заметив меня. Я шла по оставленным ею на сырой земле следам. Они вели меня прямо к бревенчатому высокому забору с ветродуями, что считались границей села. Немного осмотревшись, я обнаружила в ней брешь. Проползла под ней и почувствовала мелкую дрожь. Не знаю, то ли это страх перед неизвестным, то ли просто меня морозит.

Отряхнувшись от пыли, я посмотрела вдаль. На соседнем холме, путь к которому ведет через каменную реку, возвышалась сотня темных мраморных плит, покрытых желтоватым мхом. Там стояла и моя бабушка. Она поочередно ходила от одного камня к другому, шепча непонятные слова и сажая черные гвоздики. Подойдя к двум последним, она расплакалась, чего я никогда не наблюдала за ней.

Она ушла – можно идти. Перебираясь с камня на камень, я медленно продвигалась к своей цели.

В этот момент я жутко пожалела, что умею читать, ведь на камнях были написаны имена всех бесследно пропавших из нашей деревни (в детстве нас пугали тем, что эти люди слишком близко подходили к границе). Там я вижу «Софи», мою лучшую, хоть и на короткое время, подружку. «Виталий» – сумасшедший дядя, рассказывающий нам на ночь страшилки о всепожирающих летающих монстрах. «Василиса» – женщина, всегда угощавшая нас красными яблоками в свекольной карамели. «Тамара», погибшая еще совсем недавно, подарившая мне азбуку.

Я не плакала, а просто упала на землю, пытаюсь забыть все увиденное. За спиной раздавались голоса:

– Лили, мы здесь, обернись.

По привычке я не прислушивалась к ним, считая их моей очередной фантазией. Но они все громче завывали. В итоге я обернулась. Мужчина и женщина стояли над надгробием с именами моих родителей: Николай и Анна.

– Доченька, как мы рады, что ты нашла нас.

Я мигом кинулась к ним:

– Мама, папа! Я думала вы исчезли, как и все в нашей деревне.

Не успела я их обнять, желая больше никогда не отпускать, как в моих руках растворились их образы. Лишь отдаленные голоса все повторяли:

– Мы так рады... Рады, что ты здесь. Покинь же нас и не возвращайся никогда. Живи спокойно в той деревне.

– Почему? – не понимала я, все больше сдерживая слезы. – Вернитесь...

Один за другим били раскаты грома, разрушая все на своем пути, разрывали землю на части и превращали все деревья в пепел...

Полдень, 1 мая драконьего года

И тут я очнулась. Как бы ни хотелось мне забыть картины страшного кошмара, он навсегда теперь останется со мной.

– Это был всего лишь сон, – успокоила я себя, как когда-то мама. Порой мне трудно отличать их от реальности. Солнце достигло зенита, освещая все поле пшеницы за нашим окном. Мне так хотелось растянуть этот миг и побыть здесь еще, но теперь я понимала, что больше сидеть в этих стенах нельзя. Что-то есть за их пределами. И я должна это узнать.

Солнце давно зашло над вершинами, а бабушки так и не было. Я тихо вздохнула и убрала на место созданную мной накидку, с улыбкой вновь села за чтение. Сегодня была бессонная ночь, и это не могло не сказаться на самочувствии. Перед глазами проплывали образы. Глаза сильно устали и, все время безвольно закрываясь, не могли прочесть и строчки интересной книги. Но мне так хотелось узнать, что будет дальше с Тимом. Решиться ли зайти за линию барьера, вступить одной ногою в мир? И с этой мыслью я заснула...

Вечер, 1 мая драконьего года

Очнувшись от сна, я поняла, что теперь мое желание увидеть мир гораздо больше страхов перед ним. Пускай внушали с детства мне, что внешний мир опасен, во что бы то ни стало я увижу краски в каждом. Прощай, деревня, быть может, я вернусь. Ты жди меня, ведь вскоре я очнусь, забыв желанье это...

Поздний вечер, 1 мая драконьего года

Собрав рюкзак, я отправляюсь в путь. С собой беру, конечно, книги. Немного кусочков хлеба в узелке. И главное – сокровище, живущее давно в дупле излюбленного дерева. Радетель всех книг – великая азбука. Я не могу не взять ее с собой. Я тихо пробралась в кусты крапивы. Но было слишком тихо. Быть может, осторожность здесь излишня: деревня вновь пустует. И ни в одном из окон не вижу больше света...

Ночь с 1 мая на 2 мая драконьего года

Перейдя через границу, я ощутила, как сильно не хочет мир, чтобы я оттуда уходила. Один за другим вновь били раскаты грома, яркие вспышки озаряли небо, и все чаще молнии доходили до земли, оставляя пропасти в равнине. Сильный ветер дул противоположно моему направлению, толкал меня назад, сдувал мою накидку. Лицо мое затрещало, руки оледенели, а ноги больше не могли идти против ветра. Мысль о том, чтоб вернуться домой, не покидала меня все это время. Но я все шла вперед, не оглядываясь назад на пройденный путь, и не обращала внимания на преграды. Сил сопротивляться ветру не осталось, и я остановилась на привале внутри маленькой пещеры. Ветер дул, обвевая ее стены, порождая страшные, свирепые звуки. Я развела внутри костер. До этого я только читала об этом в книге и не думала, что это

так нелегко. До этого я никогда так сильно не испытывала голод. Тело не двигалось, а внутри него ощущалась лишь пустота. Обледеневшими руками я пыталась достать все необходимое в рюкзаке, но вместо этого упала без сил...

***

Мрачный, наполненный лазурью лунного света, коридор. Средневековые люстры с сотнями свечей, горящих игривым пламенем багрового цвета. И при всем этом освещение слабое. За одиннадцатью окнами была видна спящая оранжерея, покрытая пеленой глубокой ночи.

Впереди дверь, резьбой напоминающая волны. В ней словно жизнь течет. Я дернула маленькую с позолоченным узором ручку. Яркий свет, наполненный жизнью, ворвался в помещение. Я тихо приоткрыла дверь. Была там маленькая комнатка, заполненная живым лучистым светом. В углу виднелся шкаф, открытые полки которого были заставлены старинными книгами, у окна стоял резной лаковый стол, сделанный из того же дерева, что и дверь. В конце, противоположно двери, играло бликами ажурное окно. Я подошла к нему, раздвинула прозрачные шторы. И этот миг запомнился навечно. Ведь за окном блистала зернами бескрайняя равнина пшеницы. Вдали, возникнув из притоков, журчали реки небесно-голубого цвета. Все они сливались в одном месте, образуя окруженную морем лагуну.

Я распахнула окна, вдохнула воздух, наполненный легким ароматом сирени, цветущей у дома и развевающей по ветру, один за другим, свои лепестки. Вскоре я была уже снаружи. Обойдя кругом весь дом, я не нашла в нем двери. Одно окно – и все. Но меня уже не волновало это: игривый ясный день манил меня с собой. Я перепрыгнула сквозь раскрытые ставни навстречу безграничному простору.

От восторга я бегала по просторам склонов и долин, ступала босыми ногами по теплому песку и нагретой солнцем гальке. Впереди было море, держащее в своих уздах большой высокий остров, покрытый скалами и лесом. А ближе к пляжу, отделенная песчаным кольцом, блистала, как стекло, поверхность маленькой лагуны. Это атолла. Кольцевой, состоящий из кораллов остров, напоминающий искрящийся песок. Прозрачные воды не скрывали в себе тайн. Дно застилало ракушки, напоминая украшения. Настоящий рай для тихой жизни. Однако я иду все дальше.

День подходил к концу. С вершины невысокого утеса открывался вид на заходящее средь моря солнце. Оно краснело на глазах и, словно от стыда, скрывало под водой свой облик. В последние минуты перед сном оно играло красками на волнах и берегу. Высоко над небом за всем этим наблюдал краснокрылый альбатрос, преданный страж маленького мира. Со всех сторон к нему летели чайки, бросая в море перья серого окраса, пытаясь подражать кумиру своему. А под водой дельфины готовились к прыжку, мечтая покорить, как чайки, небо.

Вот и солнце зашло, а вместе с ним вдруг все затихло. Кругом лишь мрак и ни одной звезды. Так хочется пойти в дорогу с солнцем. И лицезреть еще хоть раз, как небо отдает земле подарок. Тепло души дарует оно и греет землю ночью.

– Лили... Лилия! – слышался голос словно внутри, но одновременно так далеко.

«Кто ты?» – думала я.

– Лили! Проснись! Ты замерзнешь...

Звуки ветра доносились до меня. Но холода я уже больше не чувствовала...

Чуждый мир

Ядовито-желтый. Ядовито-желтые пятна плывут перед глазами. И вот они уже исчезли. Но остается какой-то горький привкус по всему телу и доля желтого во всех оттенках. Окружение непривычное. Это то же место, где живешь уже несколько лет. Но все не покидает чувство, что здесь ты впервые. Образы. Знакомые образы кидает разум в картинках. Вот этот дом из красного, уже почерневшего, кирпича, малые березы. Однако все картины холодные. И нет, не потому, что на них могла быть зима или прохладный осенний ливень. А потому, что это лишь воспоминания, которые по какой-то причине пусты на чувства, переживания. словно ты находишься в чужом теле с чужой памятью, но не его чувствами, отношением к окружающему. Ты один. Одинокая душа, что забрела в чужое тело, в чужие мысли о прошлом, о будущем, в совсем иную жизнь. Только здесь и сейчас ты свой, настоящий. Кто понимает и осознает чуждость этого мира к себе...

Все эти вышеизложенные чувства, горькие ощущения и не дающие покоя мысли переносил в себе мальчик с именем на букву «Т».

Он помнил, что ему семнадцать лет, где его дом и с кем живет. Имена знакомых, образ дороги, по которой он каждый день возвращался из школы. Но не чувствовал абсолютно ничего к этому. Только холод и растущие ядовито-желтые пятна на кадрах воспоминаний.

Осталось полпути до дома. Разум рисовал в воображении привычный маршрут. Т. доверился ему и стал старательно делать шаг за шагом, словно ходит в первый раз. Он так же, словно впервые, чувствовал под ногами асфальт. Радость, но правда со слегка горьким желтым привкусом, нахлынула на него рекой. Он радовался как ребенок. Но старался скрыть это у себя на лице, спрятать от прохожих.

Т., словно по навигатору, пытался соблюдать маршрут. Но ноги все больше клонили вправо от начерченной разумом линии. В итоге он сбился с пути. Память выдавала вновь иные образы, связанные уже с этим двором, где он теперь находился. А разум придумывал новый маршрут. Но пока случилась пауза, что-то подтолкнуло Т., и он ушел с дозволенной точки прямо к старому кирпичному дому. Разум звал его обратно, называл это действие ошибочным, излишним. Но Т. больше не слушал его. Так как чувствовал и знал, что эти мысли не его.

***

«Почему же разум и чувства говорят мне взаимно обратное? Почему не покидает мысль, что жизнь эта не моя, а чужая? Почему не выглядят родными улицы? Эти по памяти знакомые лица прохожих», – думал Т., пока мимо него пробежали со сверхскоростью мальчишки. И один за другим с ю кричали: «Привет, Тимофей!» А издали издавались вопросы: «Выйдешь гулять? А с домиком нам поможешь?»

«Тим... Тимофей – это мое, точнее, его имя, – думал он, нахмутив брови и закрывая лицо от летящего по ветру пуха. – А они, получается, мои друзья со двора. И я самый старший среди них».

В его мысли вновь вторгались образы из памяти. Вот картины того, как он мастерит качели во дворе, играет в «московские» прятки, плескается в бассейне с друзьями. Но эти образы с каждой минутой покрываются холодом, они так и остались чужды Тимофею. Там, где когда-то в воспоминаниях было тепло и лето, стал распространяться иней и образовываться множество снежинок.

И в этот холодный для души момент к Тимофею вновь вернулся этот горький привкус желтого. В глазах потемнело, и Тимофей схватился за голову, присел на уже давно заржавевшие качели. Сил не было. Что-то кричало и сходило с ума в его ушах.

– Тимофей! Тимушка! – звал его кто-то будто снаружи.

Постепенно он стал снова видеть. Перед глазами стояла его мать. И все продолжала:

– С тобой, Тимушка, все в порядке? Голова болит? Говорила же тебе не сидеть по ночам за компьютером! Но кто слушал?

– Все в порядке, – тихо, почти неслышно ответил Тимофей.

– Хорошо, пойдем тогда скорей домой. Я ужин буду ставить.

Мысли не давали покоя по направлению к дому, который теперь было трудно таковым назвать. Все знакомо, но в то же время невыносимо чуждо Тимофею.

Он шел за ней по старому дощатому коридору и витой хрупкой лестнице. Лифт не работал, а лестница робела и жаловалась на каждое его движение. Ржавые прутья словно осыпались в песок.

Пока поднимались, Тимофей заметил, что на шестом этаже разбито подъездное окно. Причем отверстие вышло таким маленьким, аккуратным, и по виду сделан был этот удар снаружи, а не изнутри здания. Но как это возможно? Шестой этаж! На самом высоком этаже девятиэтажного дома находилась 68-я квартира, его квартира. За ней шла сразу 70-я: 69-й не было на площадке. На месте, где должна была быть дверь, виднелись лишь забетонированная пустота и черная вмятина. И не покидало ощущение, что этой квартиры никогда и не было.

Дверь в родную квартиру была открыта. У порога встречал большой лабрадор, полный энергии и радости видеть своих хозяев. Он обтерся об ноги матери, выпросил кусочек лакомства из магазина.

– Какой нетерпеливый, Джим! – с улыбкой гладила пса женщина.

«Джим», – мелькало имя у Тимофея в голове. Память выдавала только картинку того, как они вместе бегут по свежей влажной траве, а пес вырывается из поводка, машет хвостом и просит сыграть в догонялки. А после игры смахивает с себя всю утреннюю росу на любимого хозяина.

– Привет, Джим, – неуверенно теперь произносил новый Тимофей.

Взгляд пса обратился к мальчику. Они заискрились. Но щенячий писк, уныние, непонимание сменились гневом и тревогой. Зрачки сузились, наполнились словно пламенем. Джим занял позицию хищника, громко залаял. Тимофей прижался к двери и пытался нащупать за спиной ее ручку. Но пес подошел слишком близко.

– Стой, Джим! Стой! – схватила его за шею мать Тимофея. – Что на тебя нашло? Это наш Тимушка, твой друг.

Она с долей нервов стала быстро гладить собаке голову, шею и чесать за ушком в надежде, что это его успокоит. И действительно, вскоре пес прекратил рычать. Но злобный взгляд и подозрение Джима на некогда своего лучшего друга не пропадали весь вечер. И Тимофею казалось, что добрая щенячья улыбка преобразовалась в львиную пасть с острыми зубами.

– Все в порядке, Тимофей? – побеспокоилась за ужином мать. – Ты о чем-то задумался, ничего не ешь. А ведь какие чудные котлетки в сухарях у меня получились! Объеденье! Сама не нарадуюсь. Что ж ты не пробуешь?

– Я не хочу есть, – неуверенно произнес Тимофей.

– Говори четче и внятнее! – твякнул отец, лицо которого было полностью закрыто газетой.

За весь ужин Т. ни разу не увидел его выражения лица. В памяти вместо улыбки или отцовской хмурости лишь возникали поочередно образы последней новостной строки, фотографии людей, кричащих у стойки, иллюстрации трудяг субботника, но чаще всего картинка лупоглазого щенка с объявлением: «Ищу хозяина!». Как жалко и одновременно отвратительно было ему смотреть на это. Так хотелось пожалеть, приласкать этого, уже старого, пса, пережившего столько мучений, но в то же время желание убежать быстрее, чем зубы собаки доберутся до твоего тела, было гораздо сильнее.

– Почему молчишь, когда спрашивают?! – низким тембром произнес отец, вырвав Тимофея из размышлений.

«Немногословен он и редко выходит из газеты», – подумал Т., подняв взгляд на противоположный конец стола, на заголовки прессы: «Для двадцати восьми граждан созданы рабочие места», «Гуманитарная помощь союзнику», «Какие последствия ждут люди от кризиса?».

– Тимушка, – забеспокоилась еще сильнее мать, – не заболел ли ты? Весь день сам не свой. На улице, помню, тебе поплохело.

– Нет, он... – запнулся Тимофей. – Я здоров.

Суровый, хмурый от усталости взгляд отца наполовину выглянул из-за газеты. Мама уловила это.

– Ладно, не будем об этом, – промолвила она. – Как у тебя, милый, с поиском? Нашел работу, дорогой?

– Попытки тщетны. Никому не нужны нынче мои навыки. А ведь я знаю больше, чем весь их отдел! Если бы только не тот день! Приказ. И сокращение! Тридцать лет жизни отдал этим неблагодарным! И что взамен?!

За несколько минут он успел обрисовать эпопею о его героизме в профессиональной сфере и о том, как жестоко поступила с ним судьба. Т. вспомнил, как долго и ярко готов вести разговор этот человек, если речь пойдет о его прошлой работе. Однако эта беседа, где оппонировал только один, отвела внимание от проблемы Тимофея – отсутствия у него аппетита – и от него самого.

Т. отодвинул скрипящий по полу стул и направился к балкону. Приоткрыл давно не открывавшуюся дверь, впустив резкий поток ветра в теплую, ранее даже душную, комнату. Ни один из этих звуков не заслужил внимания родителей, не отвлек от дела.

Необъяснимое чувство одолело Тимофея. Свежий воздух, поток ветра манили его. Почти черное небо, темная пустошь вокруг вызывали любопытство увидеть, что скрывается за пеленою ночи. Нигде поблизости не было ни света, ни звука. Только желтый слабый луч из комнаты от люстры да отголосок мужского монолога о жизни.

– Мне здесь не место, – шептал Т. в ночную даль, словно ожидая ответа.

Белая вспышка пролетела перед глазами, но это была не гроза. А лишь маленькая искра в верхнем окне ветхого дома напротив.

«Это оно! – подумал Т. – Такое теплое среди одного холода».

Т. не понимал, что говорит. Губы не слушались его, как теперь и все тело. Его руки облокотились о перила, ноги забрались наверх. И вот он уже стоит над входом в пропасть. В одном шаге от смерти... Черной смерти. Тихой смерти среди сумрака пыли, такой, что никто и не заметит его участи.

«Что вы делаете?» – началась паника в его мыслях.

– Тимофей? – сначала недоумевала мать. – Тимушка! Разобьется! Держи!

Родители в спешке подбежали к балкону, схватились за дверь. Но ту заклинило. Слезы. Истерики. Мольбы. Руки Тимофея раскинулись. Сам он стоял уже спиной к пропасти, лицом к родителям. По щекам текли чужие слезы.

Дверь отворилась. Но было поздно. Т. летел спиной в пропасть. Поток ветра забирал и уносил его вместе с собою. И вдали во тьме казалось, что его распахнутые в стороны руки превратились в крылья. Но ничего этого не было... Т. исчез, и никто, как ни искал, не мог больше найти его...

Блуждаю среди звезд

Я заточен в этом теле навечно. Моя плоть – моя тюрьма. Мой персонаж и образ – очередная игра слов и обмана. Моя жизнь – череда навязанных событий, чуждых эмоций и отношений. Это не я. Меня просто нет...

Где я? Я хочу найти себя. Может, в этой дали за туманом? Может, за океаном, среди других людей и иных земель? А может, вовсе на другой планете? Нет. Что настоящее во мне сейчас, так это какая-то таинственная и теплая любовь ко всей планете, миру. Так кто же я тогда?

Я долго смотрел на простор через чердачное окно. Облака бежали сломя голову, сталкиваясь и разбиваясь в маленькие щепки. И эти щепки вновь сливались воедино, создавая новые причудливые формы, совсем непохожие на те, что были некогда.

Небо сменялось в цвете. Каждое мгновение оно приобретало новые оттенки. Время шло невообразимо быстро, и навстречу дню пришел вечер. А я все сидел у окна, пока заходило наше единственное солнце.

В мгновение небо стало темнее. Звездная полоса на его вершине озарила все вокруг радужным светом. Что-то внутри подсказывало мне, что это называют Млечный путь.

– Любишь звезды? – все продолжал голос в голове. – Я тоже.

Холодная рука дотронулась до моего плеча. Я обернулся... Это был не внутренний голос. Позади меня вправду стоял чей-то, темнее глубины синего, силуэт. И только маленькая рука, выглядывающая из тени, сияла в белом и лазурном свете звезд.

– А ты неразговорчив, – голос звучал огорченным, а рука вернулась в тень. – Хотя кто бы стал разговаривать с тенью на чердаке. Ты, видимо, боишься... Хотя кто бы не забоялся держать за спиной незнакомого себе человека.

– Нет, мне почему-то не страшно. Я могу разговаривать, вот только этот голос не мой.

– Какой ты забавный. А чей же?

– Того же, кому принадлежит и этот взгляд, мысли, чувства, воспоминания да и сама жизнь.

– Тогда прошу, скажи, с кем я разговариваю?

– Я... Ти... Можешь звать меня Тим. Да, Тим. Это имя куда больше мне подходит.

– А что не так с другим, Тимофеем?

– Откуда ты знаешь?

– Я знала Тимофея. – Ее силуэт покинул тень, звезды осветили ее лицо, отразились в светлых, почти белых, как луна, глазах. Она посмотрела на меня и мою реакцию. – Не трудись, в его воспоминаниях меня нет, не найдешь. Я всегда наблюдала за ним и другими отсюда. Никто не знает обо мне. Я тень.

– Ты человек, – перебил ее я.

– Да, и ты не сошел с ума. Никто и не старается увидеть меня. Я лишний здесь человек. – Она задумалась, а затем вновь взглянула на звезды, а потом вовсе в другую сторону, где совсем не было светил: – Приглядишься, видишь? Хотя нет, ничего ты так просто не увидишь. Мало показать пальцем, ты сам должен это захотеть увидеть!

Она вновь расстроилась, даже немного впала в гнев и, я заметил, была готова вновь вернуться в тень. По какой-то причине я не хотел терять ее образ из виду, позволить ему вновь опуститься во мрак. Я стал смотреть в тот, некогда для меня пустой на свет, участок неба. Белый обруч затмевался в облаках и был еле заметным. Я был в восторге:

– Это луна! Луна. Я вижу ее. Ее почти нет.

– Это новолуние. Земля скрывает ее в это время в своей тени. Слово стесняется своего маленького спутника. Честно, я рада, что ты тоже не упустил ее из виду. Не все всегда сияет в свете. Но порой самое важное таится где-то рядом в тени. А иногда оно скрывается в твоей собственной, и ты не видишь этого или не хочешь видеть.

Я был поражен. Никто со мной так не разговаривал с того самого момента. Я еще долгое время слушал ее рассказы о жизни, о звездах, Луне и Земле. Незнакомка удивительно внушала мне свою искренность, хоть и был ее образ довольно скрытым, а история запутанной. Когда она закончила, я рискнул спросить ее:

– А как твое имя?

– Ты назвал меня именем героя из книги. Позволь и мне выбрать себе имя со знакомых страниц, – легкая улыбка проблеснула на ее посиневших губах. – Отныне я Паулина. И я, как и ты, другой человек. И все теперь будет по-другому.

Вместе мы смотрели на уходящие от нас звезды. Вдали просыпались первые лучи еще некогда заходящего солнца.

Как холодно...

Мои воспоминания пронизаны солнцем, они греют меня в такие холодные ночи, как эти...

В детстве, когда мы жили в городе, мои братья и я, не боясь зимней стужи и пронизывающего до костей ветра, с утра до ночи бегали по почти белому, немного грязному от машинных выхлопов двору. Морозили носы, играли в снежки и догоняшки, пока наша мама смотрела за нами через окно второго этажа многоквартирного дома. Когда начинало темнеть, мать звала нас домой греться и ужинать. Мы, наивные, думали тогда, что игра может длиться вечно, а тепло от смеха и веселья не даст замерзнуть нам на улице ночью. Поэтому и не хотели возвращаться домой.

Но мама настаивала, и мы в итоге шли. Наперегонки мои двое братьев взлетали по лестнице до второго этажа, звонили в давно открытую дверь. На пороге их встречала мать. С теплой любовью смотрела она на их красные щеки, помогала снять куртки и влажные от снега штаны, давно ледяные ботинки. Так сильно, несмотря на любой мороз, катались в снегу только мои братья. Как только они проходили за порог, мать ругала их, но делала это любя, не умея изображать гнев и злость. Она грела почти до кипятка воду и заливала ее в тазики с горчичным порошком, где после мы грели обледеневшие ноги.

Затем мы садились за стол и плотно и вкусно ужинали. Обычно нашими любимыми куриными или гороховыми супчиками. К самым холодным вечерам мама готовила согревающий даже своим цветом борщ, начиная наваривать его бульон еще днем.

А ночью перед сном она тихо заходила в нашу комнату, целовала каждого в лоб и подправляла одеяло. Мальчишки уже спали, а я с закрытыми глазами выражала на лице легкую улыбку каждый раз, когда чувствовала ее прикосновение.

Так тепло и приятно вспоминать детство, однако холодно и тоскливо из своих мыслей вновь возвращаться в эту застывшую во времени, со слабым светом комнату.

В печи горит в одиночестве последний уголек. От тонких бревенчатых стен веет холодом, уже видимым в виде легкого белого пара.

Это маленькая комнатка, тонкая коробочка – дом, одинокий хутор нашей бабушки, предпочитающей жить вдаль от людей, шума и тепла. Мы оказались здесь после того, как нашей мамы не стало...

Встреча на опушке леса

– Ты тоже идешь на восток? Здесь недалеко знакомый мне город, – первое, что произнесла Паулина, когда встретила на лесной поляне Тима.

– Ты преследуешь меня? – ни капли не удивившись ее появлению, он продолжал собирать свою палатку, которую нашел вчера на том самом чердаке, месте их первой встречи.

– Скорее, пути наши просто идут в одну сторону, – заметила она, посмотрев на впереди идущую тропу, и принялась помогать ему.

– Мой путь бесцелен, – после долгого молчания ответил он, вырвав веревку из ее рук.

– Сам путь – моя жизнь. И ее я прохожу один. Никому со мной не по пути.

– Что такого, если мы просто дойдем до города вместе, нам ведь в одном направлении?! – прокричала она, но ответа не последовало, тогда, успокоившись, Паулина продолжила: – Вижу, у тебя палатка рвется, чуть дунет ветер, да и нет ни спальника, ни рюкзака – ничего. Ты мерзнешь ночью, я права? Ну скажи хоть что-нибудь!

– Мне и этого достаточно, – присел он на места колючее бревно.

– Но холодно, ведь так? – она под села к нему, но Тим отодвинулся от нее. – В городе том я знаю, где найти все необходимое.

– Люди добрые там есть?

– Конечно, – поразилась она его вопросом. – Зачем ты...

– Добрые накормят, не ел ничего со вчерашнего дня.

– Тогда позволь мне, – Паулина подскочила, – быть твоим проводником по этому чудному городу Венделю! – Она схватила его за руку, потянув за собой.

– Подожди! – останавливал он ее, но было бесполезно. – Я даже вещи не до конца собрал!

– Так у тебя из вещей одна палатка да ты сам. Ты здесь, а палатка у меня, – она подняла вторую руку, продемонстрировав свернутую в чехол палатку.

– Когда ты успела ее собрать? – И так он не заметил, как они уже покинули опушку леса.

Солнечное утро сопровождалось тихим пением птиц, цветением майских цветов и ароматом свежей выпечки, люющим, как река, откуда. Они шли вдоль развилистой дорожки и смотрели только вперед, в сторону чистого неба и ярко-розовой зари, проявляющихся в легкой дымке двухэтажных зданий, местами блестящих своим мрамором и отражающих всю эту красоту зеркальных небоскребов, в то время как позади них сгущались тучи, и чем дальше было от города, тем печальней становилось небо.

Волчья душа

Чуткий слух на каждый шаг жертвы. Тонкое чутье на ее страх. Рычание такой частоты, которая создает и держит ощущение, что хищник всегда прямо у тебя за спиной, что подпитывает ужас еще больше.

И вот из травы вырывается целая стая хищников, грациозно окружая жертву. Круг замыкается. И несчастный теряет сознание, страх одолевает. И волку более ничего не нужно. Дело подходит к концу. Делят сегодняшний пир всей стаей.

И только предводитель стоит на возвышении. Следит за окружением: ночь подозрительно тихая. Шерсть у него одного переливается в лунном свете. Вокруг левого глаза от рождения светлое пятно. Символ его мудрости, силы для каждого волка из стаи, который посмеет занять его место предводителя. И каждый уважает его как лидера, приносит долю мяса с пиршества. Но меченый не торопится приступить к еде. Долг перед стаей для него прежде всего. И только когда все уснули, а птицы вернулись на близстоящее дерево, предводитель успокоился и вкусил несколько кусков чьей-то мягкотелой плоти. Однако интуиция хищника, защитника стаи, подсказывала, что в эту ночь ему спать нельзя.

Маленький летящий огонек виднелся вдали, нарушая устои природы. «Что бы это ни было, оно нездешнее, – думал вожак, бросив последний взгляд на свою стаю, – а значит, должно быть ликвидировано!»

Сквозь заросли травы он бросился, оскалив зубы, в сторону света. Мчался быстро, но так ловко и бесшумно пробирался через траву. И вот она цель: на открытой опушке у большого костра сидел на еще сыром бревне человек. Волк видел этих существ еще до этого, но только один раз и мельком. Они приходили в долину только когда хотели забрать у нее что-то для себя, унести в тот мир за тремя вершинами на западном краю долины. И не давали ничего взамен, а оставшееся уничтожали забавы ради, что волку было трудно понять. Знал он только одно: это паразиты, а от паразитов надо избавляться. И как можно раньше, пока они ничего не натворили.

Волк грациозно напрыгнул на жертву, смешавшись с потоком ветра. Но вместо плоти и крови человек был наполнен соломой. Страшная боль пришла прежде, чем волк успел одуматься. У «бревна» выросли острые зубы. Холодное железо впилося в переднюю лапу. Шок поразил некогда самого сильного хищника в долине. И он сам стал жертвой, потерял первое место в цепи питания. Цикл природы был нарушен. Не видать здешней земле его тихой смерти от старости, не отдаст он почве то, что некогда брала дичь, которую они ловили всей стаей.

Стая! Что же будет со стаей?! Если здесь и сейчас он просто сдастся?! Нет. Все так не должно закончиться!

Темные тени двуногих существ подбирались к долгожданной добыче, смотрели на ее переливающуюся от луны шерсть, как на свою. Жаждали. Восторгались своей собственностью и воображали лица завистливых прохожих. Волк от боли уснул. По крайней мере, они так думали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.